

Духовка
Сильви
Плат

ЮСТИС РЕЙ

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Дизайн серии Елены Околицкой

Художественное оформление Константина Гусарева

Рей, Юстис.

Р35   Духовка Сильвии Плат / Юстис Рей. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110711-6

Меня зовут Сид Арго. Мой дом — город Корк, один из самых консервативных и религиозных в штате Пенсильвания. У нас есть своя образная Библия (ее называют Уставом), открыв которую на первых ста пятидесяти страницах вы увидите свод правил, включающий обязательность молитв, служб и запреты. Запреты на все. Нельзя громко говорить на улице. Нельзя нарушать комендантский час. Нельзя пропускать религиозные собрания. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Ничего нельзя, кроме тайного ощущения собственной ничтожности...

Но в самом конце лета в город приезжает новая семья, и что-то начинает неумолимо, но неизбежно меняться. Мое мировоззрение, мои взгляды... Все подвергается сомнению. Ты, Флоренс Вёрстайл, подвергаешь их сомнению. И почему-то я тебе верю.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Рей Ю., 2020**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026**

ISBN 978-5-04-110711-6

«Духовка Сильвии Плат
затянула его — берегись,
иначе она затянет и тебя».

*Если вдруг вы нашли этот блокнот,
то, пожалуйста, не читайте его, потому что это
примерно то же самое, что залезть
ко мне в душу, а я не думаю, что вам
в ней понравится.*

ЛЕТО АВГУСТ

Сид Арго

Штат Пенсильвания — место, где можно в равной степени насладиться всеми временами года: здесь солнечное лето и яркая осень, снежная зима и тёплая весна. Мой дом — город Корк, находящийся на северо-востоке штата. Население — тысяча сто пятьдесят три человека. Что не так уж и мало, учитывая, что есть в мире города с куда меньшим количеством жителей. Но не так уж и много, учитывая то, что моя семья знает как минимум треть города, а эта треть — другую треть, и таким образом все мы так или иначе знакомы друг с другом.

Не стану отрицать, в жизни маленького города есть свои плюсы: если потеряешь ключи, а на улице дождь или холод, всегда можно постучать практически в любой дом, и тебя приютят на пару часов. Но в то же время в маленьком городе ты никто, становишься таким же маленьким, как и он. Ты не личность, ты — часть команды, потому что всё уже решено за тебя, традиции давно устоялись, и ты обязан им следовать, какими бы

чудовищными они ни были. Изменить их невозможно. Это примерно то же самое, что пытаться убедить древних людей в том, что земля на самом деле круглая, а не плоский блин, стоящий на черепахе, а черепаха — на слонах, а слоны — на китах...

В общем, к чему это я? Корк — это целое государство, свой мир, если угодно. Мир, который застрял где-то в середине двадцатого века. Интернет доступен редко — можно сказать, что его практически нет. Удобности в мобильных телефонах тоже нет. Неудивительно, такая-то глушь. Единственное, что можно сделать в Корке с новеньким блестящим смартфоном, — так это повесить его на стену рядом с иконой в качестве реликвии. До ближайшего населённого пункта, который с натяжкой можно назвать городом, час езды. Мы полностью оторваны от реальности, и нам им это нравится.

Традиции в Корке незыблемы. Они вне времени. Одна из них — церковь, а если быть точнее, утренние воскресные службы.

Я никогда не был фанатичным верующим, точно так же как и атеистом, потому что я не делю мир лишь на чёрное и белое, и что касается религии, то я тоже где-то посередине. Я не верю в церковь: в пожертвования и индульгенции, в молитвы и службы, в священников и монахов. Но мне искренне хочется верить в то, что где-то есть что-то величественнее, духовнее нас, то, что может помочь нам, несмотря ни на что, оставаться людьми, при этом не лишая свободы выбора. Вера — не средство порабощения, не право людей в чёрных простых одеяниях навязать своё мнение. Вера — это свобода. Вера — это надежда. Так я это вижу. Другие — нет...

Мы молимся перед едой. Всегда. И так в нашем городе — по крайней мере, как говорят — делают все. Также у нас принято молиться перед сном, но я и мой брат этого почти никогда не делаем — мы не религиозные фанатики, в крайности не впадаем. Однако посещать воскресные службы всё равно что дышать — необходимость. А иначе на тебя косо посмотрят, а те, на кого косо смотрят, в Корке долго не задерживаются. Либо ты со всеми, либо все против тебя. Третьего не дано.

Церковь Святого Евстафия находится на окраине города, но если учитывать его размеры, то это совсем не далеко от нашего дома: примерно полчаса ходьбы или пять минут на машине. Но на машине по Корку мы никогда не передвигаемся, да и вообще какой-либо транспорт, кроме велосипедов, на наших дорогах большая редкость. В основном машинами пользуются либо приезжие, которых у нас ничтожно мало (а попросту говоря, и нет — смотреть не на что), либо перевозчики леса. Основа города — лесозаготавливающая промышленность.

Каждое воскресенье мы встаём ровно в пять. Молимся. Воскресенье — святой день, так что большую часть времени нужно проводить в молитве. Завтракаем. По воскресеньям только каша на воде, чёрный хлеб и чай без сахара. После надеваем парадную одежду (что означает никаких джинсов и футболок) и отправляемся в церковь. Сейчас лето, конец августа, из-за чего ранние подъёмы не кажутся таким уж великим подвигом. Мне даже приятно прогуляться ранним утром, не ощущая себя при этом как в банке с вареньем. Однако сегодня не такой день.

Мама заставила меня надеть пиджак и новую рубашку, этикетка которой натирает шею. И это не настраивает на религиозный лад. Это меня раздражает. И я начинаю ещё больше ненавидеть церковь, службы и всё, что с ними связано, хотя, казалось бы, за столько лет (а хожу я туда с тех пор, как пошёл в первый класс) можно было бы привыкнуть. Но я, как и традиции в нашем городе, непоколебим. То, что мне нравится, я буду любить вопреки всему (что бы ни случилось), то, что я терпеть не могу, буду с трудом выносить до конца жизни. Так я устроен.

Если быть уж совсем откровенным, то достоинств у меня немного. Я обладаю ничем не примечательной внешностью (не считая рыжих волос и веснушек по всему телу): не слишком высок, худощав и бледен настолько, что мог бы сыграть вампира без грима. Однако у меня всё же есть парочка достоинств, одно из них — ненавязчивость: я никого ни к чему не принуждаю (кроме разве что моего брата Питера, но я ответственен за него).

Мама считает, что я просто слишком скромн и довольно чувствителен, а как по мне, то я — вещь в себе, вроде дневника на замке или шкатулки, простой снаружи, но полной сюрпризов внутри. Именно поэтому с виду никто и не скажет, что меня что-то не устраивает. Я терпелив до жути. И это тоже моё преимущество.

Сейчас только полседьмого утра, однако солнце уже начинает припекать всюю. А я ещё к тому же в пиджаке и рубашке. Конечно, мне жарко, но я ведь терпелив. А вот мой брат Питер — нет. Он достаточно взрослый (ему десять), чтобы понимать, почему мы

ходим в церковь, но он слишком мал, чтобы быть терпеливым.

— Я не хочу надевать пиджак, — говорит он с самым что ни на есть серьёзным лицом.

— Дорогой, это всего на пару часов, а потом ты его снимешь, — отвечает ему мама, при этом пытаюсь надеть на него этот дурацкий пиджак.

Я молча стою в дверях, снисходительно смотря на эту сцену. Я не участвую в ней, но всё равно получается так, что раз я здесь, то волей-неволей становлюсь свидетелем, а значит, и участником.

— Сид, ну хоть ты ему скажи! — взывает ко мне мать.

Она всегда так делает, потому что знает, что Пит меня послушает, хотя, будь моя воля, я бы выкинул к чёрту оба пиджака. Я тяжело вздыхаю и подхожу к брату. Он весь надулся и покраснел. Весной затащить его в церковь было куда проще (тогда не было так жарко), а сейчас это становится проблемой мирового масштаба.

Я забираю у мамы пиджак брата и тихонько заговорщицки киваю ей, хотя на самом деле я не на её стороне. Она кивает в ответ, конечно, всё понимает, но молча уходит наверх помогать отцу с галстуком, который папа всё никак не научится завязывать, а ведь ему уже почти пятьдесят.

— Это отстой, — говорит мне Пит, при этом покорно отводя руки назад так, чтобы мне было удобнее надеть на него пиджак.

— И не говори, — подтверждаю я устало.

Мы оба знаем, как каждый из нас к этому относится, и это делает нас участниками тайного сообщества, в котором всего лишь два человека.

* * *

Мы выходим спустя пять минут. Все нарядные, и половина из нас недовольные. Хотя по мне и не скажешь. Мы добираемся до церкви за рекордные двадцать три минуты. Обычно мы так быстро не ходим, но жара нас подгоняет. А ведь ещё только утро.

Наша церковь — большое добротное бело-серое здание с витражными окнами и огромным деревянным крестом на верхушке треугольной крыши. Это одно из самых старых зданий в городе, но и одно из лучше всего сохранившихся, а всё потому, что жители Корка скорее будут недоедать, чем позволят появиться хоть одной трещине на фасаде церкви.

Горожане сползаются сюда, словно муравьи. Мы тоже не отстаём. Следуем за всеми. Мы ничем не выделяемся. Так и должно быть. Перед службой люди около церкви напоминают беспрестанно гудящий пчелиный рой, от шума которого так и хочется сбежать, окунувшись в воду по самую макушку.

Отец встречает Билла Рэма, нашего соседа, и они тут же начинают обсуждать предстоящую игру в баскетбол (которым оба интересуются даже больше, чем своими машинами). Билл приглашает отца и всех нас на барбекю, и, конечно же, отец с готовностью принимает приглашение. Отвергать чьё-либо гостеприимство в Корке — верх невежества.

Я в это время быстро оглядываюсь. Как я и думал, ни одного незнакомого лица. Все: и мужчины, и женщины, и дети — в чёрном, а лица серые. Так было всегда. Так будет всегда. И от осознания этого меня почти что мутит. Глядя на то, как мы похожи в нашей

аскетичности и пристойности, мне начинает казаться, что мы все герои никому не известной антиутопии.

Служба начинается ровно в семь с приветствия и общей молитвы и длится около трёх часов. Проводит её, как и все предыдущие службы, на которых я был, преподобный Патрик, живущий в Корке, сколько я его знаю, а знаю я его, сколько себя помню. Человек он, по мнению остальных (включая и моих родителей), мудрый и образованный, к тому же ещё и выглядит словно ожившая статуя знаменитого греческого скульптора. Как говорит мой отец, Патрик — человек, обладающий высокими моральными ценностями. Вероятно, именно поэтому он стал членом городского совета, а по совместительству и его главой.

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...

Честно признаться, я не имею понятия, о чём говорит Патрик, потому что вот уже несколько лет его не слушаю. Обычно рассматриваю присутствующих, мысленно задуваю свечи, считаю ряды и воображаемых овец, повторяю про себя уроки, строю планы на оставшийся день, чешусь, грызу ногти, кусаю губы (иногда до крови) — настолько мне это всё осточертело. Пару месяцев назад я даже начал отращивать волосы, чтобы можно было прятать за ними проводки от наушников и слушать музыку прямо в церкви на старом кассетном плеере. Но как только волосы стали на пару дюймов длиннее, чем обычно, мама сказала, что я зарос, и обкорнала меня, а парикмахер из неё никакой. Но, слава богу, это было в начале лета. Теперь я не похож на Шалтая-Болтая, и на том спасибо.

В церкви не так жарко, как на улице, и это единственный плюс, который я нахожу в пребывании здесь. Пит схо-

дит с ума. Ему тут неважно. От скуки он то подпрыгивает на скамье, то дёргает меня за рукава. Я даю ему лёгкий подзатыльник, и он на время успокаивается.

Потом я снова и снова начинаю осматривать присутствующих, но ни на ком из них взгляд не задерживается, потому что я изучил их наизусть. Но вдруг я замечаю что-то новое, точнее, кого-то. И эти кто-то — *вы*. Я узнаю, что в город приедет новая семья, ещё в начале лета, так как об этом говорит отец, а также знаю, что мужчину зовут Роберт, а его жену — Джейн. Их и маленькую девочку, что сидит между ними, я видел и до этого. Они и раньше посещали службы. Но тебя я вижу впервые, и, естественно, ты меня привлекаешь.

Всё, что я вижу, — это чёткий изысканный профиль, но этого мало, чтобы понять, как выглядит твоё лицо в целом. Ты в чёрном строгом платье. Светлые, похуже, выгоревшие на солнце волосы небрежно заколоты на затылке, и это, пожалуй, единственное, что выдаёт в тебе бунтарскую натуру, — всё остальное выхолощено. Ты словно большая фарфоровая кукла, и вид у тебя такой серьёзный и одновременно недовольный, что кажется, будто ты долго боролась с родителями, чтобы не надевать сегодня это чёрное платье. Но, видимо, не только Пит проиграл подобное сражение.

Ты и твоя семья выглядите как все, но в то же время есть в вас что-то такое, что выделяет вас из толпы. Вы — чужаки, и все знают об этом. В Корке к приезжим относятся довольно дружелюбно, но с опаской и без особого доверия.

Твой отец, Роберт, — высоченный мужчина, почти на полторы головы выше твоей матери, такой же се-

рѣзный, как и ты. Твоя мать, Джейн, — миниатюрная брюнетка, чуть полнее, чем ты, хотя, учитывая, какая ты тощая, можно сказать, что её фигура идеальна. Маленькая девочка, вплотную прижавшаяся к твоей матери, — видимо, твоя сестра, — похожа на ангела, одного из тех, что рисуют на религиозных картинах: пухленьких и милых. У неё длинная аккуратно заплетённая коса цвета пшеницы. Одета она, как и ты, в чёрное, но её это не гнетёт. Она вообще ведёт себя удивительно спокойно для ребёнка её возраста, а ведь она младше Пита, уговорить которого можно только пинками. Девочка спокойно сидит и внимательно слушает всё, что говорит Патрик, хотя вряд ли понимает, — ей не больше шести.

После того как я замечаю тебя, время начинает идти быстрее. Я перебираю про себя все женские имена, чтобы хотя бы в мыслях обращаться к тебе по имени: Мэри, Сара, Дженнифер, Кэтрин, Элизабет, Энни... Нет, всё не то. Слишком просто для тебя, слишком ordinarily.

Ты, словно статуя, не шевелишься, не моргаешь, и порой кажется, что даже не дышишь. Меня это пугает и одновременно удивляет.

Я пялюсь на тебя не отрываясь, иногда пытаюсь отвлечься на что-то другое, но спустя секунды взгляд снова прикован к тебе. Питер это замечает и наступает мне пяткой на носок. Я бесшумно кривлю лицо от боли и пытаюсь дать ему за это второй подзатыльник, но он уворачивается. А потом подзатыльник получаю уже я — от мамы. Она грозно, но вместе с тем незло смотрит на нас, и мы оба тут же утихомириваемся.

Когда мама перестаёт за нами следить, я укоризненно смотрю на брата, взглядом спрашивая, мол, что такое, — а он лишь только ухмыляется, будто бы я смотрю на тебя, потому что запал. Но это не так. Я ведь тебя не знаю, и привлекаешь ты меня только потому, что раньше я тебя не видел, а всё новое мне интересно.

И тут происходит то, чего я ожидаю меньше всего на свете, даже начни падать снег за окном, меня бы это так не удивило: ты поворачиваешь голову и смотришь на меня. Не ищешь глазами в толпе, а сразу смотришь прямо мне в глаза, словно знаешь, где я нахожусь всё это время. Это смущает, но я не отвожу взгляд. Вероятно, причиной тому твоя холодная, гипнотизирующая, почти пугающая красота. На лице никаких эмоций: ты ни удивлена, ни радостна и даже ни печальна. Ты смотришь на меня безучастно, отчего становится не по себе. Ты как будто бы здесь, но тебя нигде нет.

Я то ли краснею, то ли зеленею, но в любом случае я для тебя не такое интересное зрелище, как ты для меня, и через полминуты ты отворачиваешься и больше не смотришь в мою сторону, более того, ты снова не двигаешься. А когда служба заканчивается, ты, твои родители и сестра так умело смешиваетесь с толпой, что тут же исчезаете из моего поля зрения. Может быть, вы не такие уж и чужаки?

* * *

Мы возвращаемся домой не так быстро, как пришли в церковь, но всё же довольно скоро. К этому времени температура на улице поднимается до девяноста граду-